

Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет?

А.Г. Вишневский

Тезисы доклада

1. Модернизация и контрмодернизация – две естественные тенденции для любого общества, совершающего головокружительный исторический поворот от векового аграрного и сельского строя жизни к промышленному и городскому. Этот поворот требует полной смены всей парадигмы социального существования, коренного пересмотра основных правил всех игр: экономических, социальных, политических, военных, культурно-религиозных и т.д. Начиная играть по новым правилам, меняются и люди, меняется сам тип человеческой личности.

2. Ни одна страна и ни одно общество не совершили такого поворота безболезненно. Не стала исключением и Россия, которая к тому же оказалась одной из первых стран *догоняющей* модернизации. Заимствованные модернизационные нововведения пересаживались здесь на еще не готовую их воспринять традиционную почву, сплавлялись в единое целое с выросшим на ней жизненным укладом, частично модернизировали их, а частично сами «традиционализировались». Полученный сплав, который с гордостью называли «своеобразием», пропитывал всю общественную ткань, определяя характер социальных институтов, культурных ценностей, способов политического действия, человеческих типов и т.д. Представляя собой соединение двух противоречивых начал, он отнюдь не упрощал исторического развития России, шедшей, несмотря ни на что, к постепенному изживанию элементов традиционализма. Каждый новый шаг в этом направлении сопровождался полемикой традиционализма и модернизма, приобретающей порой очень большую остроту.

Постсоветский этап российской истории может рассматриваться как новый раунд модернизации, а стало быть, и новый раунд этой полемики. К чему привел Россию этот новый раунд?

3. **Экономика.** Современная западная экономика основана на преобладании рыночных механизмов, которые адекватны ее динамизму и с самого начала были главным инструментом ее становления и развития. Но отставшая страна не может догнать передовые, не прибегнув к мощному государственному протекционизму, чтобы перепрыгнуть через этапы, уже однажды пройденные другими странами, и искусственно создать сиялы саморазвития современной экономики. После того, как они созданы, государственное вмешательство в экономику должно быть резко сокращено. В противном случае средство перестает соответствовать цели и стопорит развитие. Это и произошло в России.

Использование «государственного ресурса» для развития современной экономики – вынужденная традиционалистская мера, которая применялась в России с петровских времен и была в буквальном смысле слова фетишизирована в СССР.

Витте: «Говорят, что для развития промышленности я принимал искусственные меры. Что значит эта глупая фраза? Какими же мерами, кроме искусственных, можно развить промышленность?»

«Задачи разумной торгово-промышленной политики впервые были ясно осознаны и точно сформулированы Петром Великим. Его усилия завести в стране возможно большее количество заводов и фабрик вытекали из сознания, что страна не может быть сильной и могущественной, если у нее нет собственной обрабатывающей промышленности. При этом он считал весьма необходимой сильную государственную опеку»

«С достижением же конечной цели протекционизма, с созданием прочной национальной промышленности, не боящейся иностранной конкуренции, и с зарождением деятельной внутренней конкуренции, должен наступить конец самому протекционизму. Прямая логика его и заключается в самоуничтожении».

Понадобилось не одно десятилетие, чтобы осознать исчерпанность возможностей огосударствленной экономики, открыто признать преимущества рынка и начать ускоренный перевод экономики на рыночные рельсы. Это, конечно, было большим модернизационным прорывом. Но пока рыночная модернизация еще не пронизала всю толщу российского экономического тела.

Полноценная рыночная экономика опирается, прежде всего, на внутренний рынок и на растущий платежеспособный спрос населения, но у российской экономики пока такой опоры нет. Она довольно успешно вписалась в мировой рынок, усилила экспортную ориентацию, унаследованную от советского госплановского хозяйствования, и, как и в советские времена, не нуждается во внутреннем рынке. Сегодня ее главный локомотив – крупный, ориентированный на внешние рынки капитал, очень основательно эксплуатирующий все тот же государственный ресурс.

В России доля предприятий, созданных после начала реформ и действующих уже в конкурентных условиях, значительно ниже, чем в других странах с переходной экономикой. В странах Центральной Европы на предприятиях малого и среднего бизнеса работают порядка 60% всех занятых, а в России - 25% или около того. А большая часть работающего населения по-прежнему занята на старых крупных предприятиях, многие из которых не конкурентоспособны, и их динамика значительно ниже, чем у предприятий новой экономики.

Кристофер РЮЛЬ, главный экономист Московского представительства Мирового банка.
«Время Новостей», 5.12. 2002

Разумеется, централизм и монополизм – главные признаки «досовременных», не способных к эффективной самоорганизации экономических систем – сейчас слабее, чем при советской власти. Но они все еще очень сильны, тогда как децентрализационные тенденции пока весьма мало выразительны. Рынок остается хилым, население – бедным, платежеспособный спрос – низким.

4. Социальная структура. Такое развитие экономики блокирует вертикальную мобильность и тормозит давно назревшее превращение созданных советской модернизацией городских слоев в полноценный средний класс. Оно способствует сохранению во вполне городской России архаичной социальной пирамиды с широким основанием и узкими серединой и вершиной, характерной для слабо дифференцированных бедных крестьянских обществ. Массивное основание пирамиды остается слабо структурированным, социально аморфным.

5. Политика. Архаика социальной пирамиды отзывается архаикой политической жизни. Слабая дифференцированность общества препятствует складыванию и осознанию специфических групповых интересов и их отражению в политическом диалоге. Отражающие разные интересы политические партии – инструмент такого диалога – не имеют достаточной социальной базы. Ценность социального и политического разнообразия пока не утвердила себя и поэтому не осознается. Гораздо больше ценится «единство», что и нашло отражение в названии наиболее преуспевающей партии, хотя «партия “Единство”» – это типичное *contradictio in adjecto*, ибо слово «партия» означает «часть», и в этом – весь смысл многопартийности.

Конечно, различия в интересах разных социальных слоев существуют, и некоторые из них безусловно стремятся к ускорению экономической и социальной модернизации. Но большая часть электората сконцентрирована в массивной нижней части социальной пирамиды, которая не вовлечена в модернизационные реформы и поэтому мало в них заинтересована. В этих условиях «политика», т.е. деятельность, направленная на достижение влияния и власти, превращается в борьбу за привлечение этого электората, вследствие чего неизбежно приобретает контрмодернизационные черты.

6. Идеология. Всякое политическое действие требует идеологического обеспечения. Либеральные идеологии соответствуют смыслу того, что происходит в более модернизированных секторах российского социума, которые гораздо лучше чувствуют себя в климате, создаваемом безличными условиями децентрализованной экономики, свободной конкуренции, разделения властей, признания «прав человека», невмешательства государства в частную жизнь, идеологического плюрализма, свободы совести и т.д.

Однако когда разворачивается борьба за традиционалистски настроенный российский массовый электорат, все еще уповающий на государственный патернализм, либеральные идеологии не имеют больших шансов на успех. Напротив, демонстрация антилиберализма находит благодарный отклик в «широких массах» и приносит политическую поддержку, победу на выборах и т.д. Поэтому политики все чаще склоняются к более или менее выраженной эксплуатации антилиберальных, авторитаристских или даже тоталитаристских «государственнических» идеологий. В современной России – это прежде всего набор коммунистических идеологем и мифологем советского образца, все еще сохраняющих влияние на значительную часть электората. Но так как это влияние все же очень сильно подорвано самим советским опытом и сейчас уже далеко не безраздельно, все четче обозначается альтернативная идеологическая линия, ведущая свое происхождение от «евразийства» – идеологического течения, возникшего еще в 20-е годы в подражание и в то же время в противовес большевизму. Будучи столь же тоталитарной, как и большевизм, она была лишена его модернизационной составляющей. Впрочем, с тех пор ее лишилась и российская коммунистическая идеология. Влиятельность антилиберальных идеологий – следствие незавершенности экономической и социальной модернизации России, но она же – и препятствие ее завершению. Если эти идеологии и основанная на них политика возобладают, модернизация России существенно замедлится.

7. Россия в очередной раз стоит на перепутье, напоминая богатыря, раздумывающего на развилке дорог, куда ему повернуть: налево или направо.

При этом едва ли не в самом сложном положении оказывается российская власть. Россия быстро теряет свой экономический и политический вес в мире (следствие даже не столько того, что происходит в самой России, сколько глобальных сдвигов, появления на мировой арене новых, потенциально очень сильных игроков). Безоговорочное принятие «западных» (а на самом деле, просто последовательно модернистских) ценностей – единственный доступный России способ удержаться на плаву. Похоже, что нынешняя власть это осознает более или менее ясно. Но она связана по рукам и ногам традиционалистскими, контрмодернистскими настроениями общества. Так что исход нынешнего раунда модернизации России пока остается неясным. А это, может быть, ее последний шанс.

Социальная структура

Строение социальной пирамиды, социальная структура общества, а также перемещения людей внутри этой структуры, их социальная мобильность имеют принципиальное значение с точки зрения социально-политического анализа.

Социальные перемещения всегда затрагивают интересы людей и потому мобилизуют их волю, пробуждают социальную активность, повышая тем самым и их социальный потенциал. Сама возможность таких перемещений как обычного, достаточно массового явления существует далеко не всегда, а перемещения того типа, какой наблюдается в «современных», развитых или – в меньшей степени – развивающихся странах – вообще исторически относительно новое явление. Оно возникает там и тогда, где и когда социальная пирамида утрачивает свою обычную для всей прошлой истории форму шахматной пешки (широкое основание, узкие средняя и верхняя части) и становится веретенообразной, расширяясь в середине, и сужаясь книзу. До того, как это произошло, социальные перемещения остаются редкими и случайными, а для подавляющего большинства народа характерна социальная пассивность, социальный потенциал человека низок, близок к нулю.

Традиционные сословные общества, по определению, характеризуются нулевым или близким к нему социальным потенциалом. Это не значит, что в них нет никакой социальной мобильности. И в старой сословной России встречались разбогатевшие крепостные и разорившиеся баре, но это было скорее исключением, чем правилом. После отмены крепостного права социальная мобильность заметно усилилась. Тем не менее, для большинства населения социальное восхождение было маловероятно, ибо ограниченным оставалось само количество относительно более высоких социальных статусов. Социальная пирамида по-прежнему имела широкое основание и узкие середину и вершину, что всегда свойственно слабо дифференцированным, бедным крестьянским обществам.

Казалось, что интенсивное послереволюционное промышленно-городское развитие коренным образом изменило положение, ибо оно объективно вело к массовому появлению новых статусов, а значит, и новых ведущих к ним каналов социальной мобильности. Следует, однако, различать два типа изменений социальной структуры и связанных с ними социальных перемещений.

Один из них вызван к жизни единократным, хотя и растянутым во времени превращением аграрного и сельского общества в промышленное и городское. Таким был, в частности, главный сдвиг в социальной структуре российского, а затем и советского общества, начавшийся еще в пореформенный период в XIX в. и резко ускорившийся в советское время: превращение десятков миллионов крестьян в городских промышленных рабочих. Этот сдвиг означал обновление социальной структуры в соответствии с императивами времени, он соответствовал требованиям исторического развития и в этом смысле несомненно был прогрессивным. В целом прогрессивными были и изменения в положении большинства народа, получившего доступ к образованию, новым удобствам городской жизни, не существовавшим прежде возможностям здравоохранения и социального обеспечения, к достижениям культуры и т.д.

Все эти положительные изменения производили большое впечатление и в самом СССР, и за его пределами и создавали иллюзию небывалой восходящей вертикальной мобильности, тогда как на деле они были просто следствием промышленно-городской трансформации, в Западной Европе растянувшейся на века, а в СССР занявшей несколько десятилетий и опиравшейся на

подготовленные долгим западным развитием технологии, а отчасти и способы организации социальной жизни. Форма же социальной пирамиды оставалась прежней: узкие середина и вершина при широком основании, вблизи которого сосредоточивалось большинство общественных слоев. Идеология "равенства" закрепляла и оправдывала такое строение социального тела.

Более современная социальная пирамида западных обществ, складывавшаяся постепенно в ходе их долгой промышленно-городской трансформации, имеет иную, веретенообразную форму, у нее узкое основание и вершина зато более широкая середина. Такая форма возникла как следствие двух типов социальных перемещений. Один из них - уже упоминавшееся превращение нижнего слоя аграрного в нижний же слой промышленного общества, крестьян в рабочих, без изменения формы социальной пирамиды. Но рядом с ним с давних пор набирал силу другой тип структурных изменений и социальных перемещений, шли вертикальные перемещения снизу вверх, расширялась, становилась все более многочисленной относительно обеспеченная и привилегированная социальная "середина". В результате сейчас во всех современных экономически развитых странах очень важное место в социальной структуре занимают средние городские слои, "средний класс". Именно он был главной движущей силой экономической, культурной и политической модернизации европейских обществ, которая, в конечном счете, и привела к огромному расширению "ниши" среднего класса в социальной пирамиде и тем самым сделала его социальный потенциал, то есть его способность и готовность поддерживать те социальные процессы, которые отвечают его интересам, решающим фактором сохранения социальной устойчивости.

Существование среднего класса не исключает, а может быть даже и предполагает наличие более низких, обездоленных, по сравнению с ним, социальных слоев, порой достаточно массовых. В этом можно видеть социальную несправедливость и осуждать средний класс за то, что он дорожит своими привилегиями и всегда готов эгоистически их отстаивать. Но нельзя отрицать, что появление социальной структуры с развитыми средними слоями привело к небывалому в истории сокращению доли низших слоев, прежде всегда составлявших подавляющее большинство народа. К тому же средний класс - "открытый", резкой границы между ним и менее благополучными социальными слоями не существует, а историческая тенденция заключается в расширении среднего класса за счет вертикальной мобильности снизу. Кроме того, сами стандарты жизни среднего класса становятся настолько распространенными, что это не останется без последствий и для низших слоев; если не говорить о "социальном дне", то если они и обездолены, то далеко не в такой степени, как низшие слои социальной пирамиды прошлых веков.

Существование среднего класса не упраздняет также и верхних социальных слоев, которые по-прежнему располагают огромной силой и властью и по-прежнему больше, чем кто бы то ни было, контролируют жизнь общества, управляют им. Но все же - и это тоже исторически новое явление - их сила теперь не безгранична, а власть - не безраздельна, они вынуждены считаться со средним классом, который добился своей доли - и немалой - в управлении делами общества и государства.

Европейский средний класс утверждал свою силу и власть, свою систему ценностей в ходе длительной политической борьбы против силы, власти и ценностей средневекового, сельского, дворянско-крестьянского мира. Она консолидировала средние слои, научила их отстаивать свои интересы, создала свойственную им политическую культуру и политическую традицию. Это довольно пестрая социальная среда, к которой могут относиться и преуспевающие

“буржуа”, и презирующие их интеллектуалы или артисты-бессребренники. Но и те, и другие выросли на одной исторической почве. Представители разных слоев среднего класса переплетаются между собой, связаны родственными, имущественными, профессиональными, культурными, политическими интересами. Несущей же конструкцией всей этой системы интересов служит собственность, накопленная, передаваемая по наследству, заработанная и т.д., которой обладают пусть и не все, но многие представители среднего класса и которая обеспечивает относительную личную независимость, относительную свободу индивидуального выбора жизненного пути, образа жизни, идеологии и пр.

Западный средний класс неоднороден, многослоен, его социально-профессиональная структура характеризуется очень большим разнообразием. Все это создает предпосылки интенсивной внутренней социальной мобильности, переходов из одного слоя в другой, движения как вверх, так и вниз, что, в конечном счете, обеспечивает неограниченное множество вариантов социальной адаптации. Выход же за пределы среднего класса - как вверх, так и вниз - представляет собою, скорее, чрезвычайное событие и, влияя, разумеется на индивидуальные судьбы, обычно не нарушает устойчивости веретенообразной социальной пирамиды.

Социальная структура советского общества долгое время не знала средних слоев. Эта структура, “пешкообразная”, напоминавшая структуру феодального общества, - немногочисленная знать и большинство одинаково бедного народа - сложилась в период ранней советской индустриализации и отражала экономические реальности того времени: крайнюю ограниченность материальных ресурсов и необходимость концентрации их на решении нескольких узловых задач. Всеобщая бедность породила особую форму экономического и социального неравенства, которое, по-видимому, было одной из скрытых пружин тенденции ко всеобщему огосударствлению. Экономические возможности разных социальных групп были, в значительной степени, функцией их официального статуса, ибо измерялись мерой участия во владении, распределении и использовании общественного (читай, государственного) богатства, т. е., по существу, мерой доступа к рычагам власти (партийные руководители; бюрократия, распределявшая дефицитные социальные блага; директорский корпус, распорядившийся финансами и продукцией предприятий и нередко связанный с теневой экономикой; работники материально-технического снабжения, оптовой и розничной торговли, сферы обслуживания и проч.).

Люди, в той или мере причастные к управлению и распределительно-обменным процессам, составляли сравнительно небольшую долю населения. Массовые же слои общества подобных прав не имели, и их экономическая стратификация определялась уровнем заработков и семейных доходов, зависивших от множества факторов, начиная с характера и содержания труда, сфер и отраслей его приложения, места проживания, ведомственной принадлежности предприятий и кончая численностью и составом семей. Взаимодействие экономических, социальных, региональных, демографических и иных факторов создавало довольно пеструю картину экономической стратификации населения. Но в целом подавляющее большинство населения было одинаково бедно, и в этом смысле все находилось примерно в равном положении, резко отличавшемся от положения относительно узкого “номенклатурного” или околноменклатурного слоя, обладавшего многообразными, часто тайными и трудно поддающимися измерению привилегиями, ставившими его вне экономических трудностей, постоянно испытываемых большинством.

Однако изменения происходили и в СССР. Со временем, все еще оставаясь намного беднее старых промышленных стран, СССР богател, его экономические возможности расширялись, а вместе с тем все больше утрачивала свой внутренний смысл социальная структура "социалистического феодализма" и здесь тоже появлялась своя социальная "середина", отличная как от статусной номенклатуры, так и от пролетаризованного рабоче-крестьянского большинства. Социальные слои, претендовавшие на такое срединное место, становились все более массовыми, расширялись, рекрутируясь из рабочих и крестьян, доля которых в социальной структуре соответственно сокращалась, а вместе с тем нарастало и критическое отношение к допотопной форме советской социальной пирамиды, назревала ее кардинальная перестройка. Она долго не могла начаться, но вот уже примерно десять лет стратификационное пространство российского постсоветского общества испытывает глубокие преобразования.

Вэл Вал. Муравьев

Евразийство

В 1923 г. Николай Бердяев опубликовал в эмиграции книгу с характерным названием "Новое средневековье". Он утверждал, что "грандиозное предприятие новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось... Новое средневековье преодолет атомизм новой истории"¹. На примере этой книги видно, что с самого начала эмигрантская мысль, выступавшая с критикой советского режима, одновременно выражала прямое сочувствие ему, оправдывала и общим кризисом "новой истории", и историческими особенностями России. Антилиберальные мотивы в такой критике часто звучали намного сильнее антитоталитарных. "Антигуманистические выводы, которые сделал из гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением", - утверждал Бердяев².

Хотя сам Бердяев впоследствии во многом отошел от идей этой книги, она сыграла важную роль в разработке российских «неосредневековых» проектов.

С наибольшей последовательностью русский "неосредневековый" проект, который можно назвать "православно-большевистским", разработали "евразийцы". Он обладал всеми чертами набиравшего в 20-е годы силу небольшевистского проекта (огосударствленная экономика, тоталитарная идеология, однопартийная политическая система, антизападничество, антилиберализм и пр.) и, подобно ему, был подсказан истинным ходом событий в СССР. В целом евразийцы этот ход событий одобряли, подчеркивая, что объясняют его действием "народной стихии, а не коммунистов, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями"³.

Варшавский: "Многими своими сторонами "Новое средневековье" и евразийство соприкасались с широко распространенными в те годы национал-большевистскими настроениями, порожденными идеей, что, вопреки своей воле, большевики стихийно творят нужное дело и революционный кризис приведет к "выпрямлению русской исторической линии"⁴.

"Вникнем в последние "подсознательные" мотивы политики большевиков. - Они ведут борьбу с "капитализмом". Но "капитализм", поскольку он мыслится конкретно, и есть синоним современной Европы. Борьба с ним есть борьба с "европеизмом" в Европе и в Евразии... Большевики выступают против "капитализма", т.е. против европейского капитализма, а потому и против европейского социализма... Сами не зная того, большевики бьются над конкретизацией религиозно-этических основ русской государственности"⁵.

На первый взгляд, евразийский политический проект, противостоявший большевистскому, был симметричен, в главном тождествен ему, он был нацелен не на устранение тоталитаризма и замену его демократией, а на замену одного типа тоталитаризма другим. "Необходимо, - утверждали евразийцы, - создать новую партию, которая бы являлась носителем этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической... Мысля новую партию, как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партия совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она - партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она - государственно-

¹ Бердяев Н. Новое средневековье, с. 20, 27.

² Там же, с. 11.

³ Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 399.

⁴ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Издание им.Чехова, Нью-Йорк, 1956, с. 43.

⁵ Евразийство. Опыт систематического изложения. В кн.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 402-403.

идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией⁶.

Однако не кажется, что изначально существовало и серьезное различие между евразийским и большевистским проектами. Оно заключалось в отношении к модернизации. Большевики делали главную ставку на индустриализацию России, и это обеспечило им более или менее долговременную поддержку всех модернизаторских сил, хотя в конце концов стало ясно, что индустриализация – это еще далеко не вся модернизация.

У евразийцев не было и такого модернизационного порыва. «Самый дух индустриализма должен потерпеть крушение, и тогда изменятся и принципы, определяющие отношение человека к вещам. А преобразование духа, конечно, возможно только путем религиозного и духовного возрождения... Евразийство... призывает к устранению капиталистического строя, исходя из утверждения преобладания духовных начал над материальными. Утверждение это оно черпает из глубоких корней православной веры, для которой идеал нестяжательства был всегда идеалом руководящим и высшим»⁷.

«В любом политическом движении, созданном эмигрантскими сыновьями, мы находим в том или ином сочетании идеи “Нового средневековья”, евразийства и национал-максимализма. Но, конечно, еще сильнее влиял “дух времени” – могучее притяжение фашистской революции... Само евразийство, с его идеократией, “симфоническими личностями”, правящим “эйдократическим отбором”, корпоративным государством и отрицанием демократии как режима партийной анархии было, в сущности, несмотря на “уход из Европы”, только вариантом европейского фашизма»⁸.

и Коммунистический идеологический противостоит принципиально — сознательно религиозная, православная, и не абстрактно-интернациональная, а евразийско-русская?

⁶ Евразийство, с. 394-395. Ср. Сталин: “Руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является одна партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая не делит и не может делить руководства с другими партиями” (Сталин И. К вопросам ленинизма. Соч., т. 8, с. 27).

⁷ Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Н. Алексеев. Русский народ и государство. М., Аграф, 2000, с. 265.

⁸ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Издание им.Чехова, Нью-Йорк, 1956, с. 51.

Добыча и экспорт нефти в СССР и России

Год	Добыча нефти, млн. т		Доля России	Экспорт нефти, млн. т		Доля экспорта в производстве	
	СССР	Россия		СССР	Россия	СССР	Россия
1970	353	285	80,7%				
1975		411					
1980	603	547	90,7%	119		19,7%	
1985	595	542	91,1%	117		19,7%	
1990	571	516	90,4%	109		19,1%	
1991		462					
1992		399					
1993		353					
1994		318					
1995		307					
1996		301			105		34,9%
1997		306			110		35,9%
1998		303			118		38,9%
1999		305			116		38,0%
2000							
2001							

Добыча и экспорт природного газа в СССР и России

Год	Добыча газа, млрд. куб. м		Доля России	Экспорт газа, млрд. куб. м		Доля экспорта в производстве	
	СССР	Россия		СССР	Россия	СССР	Россия
1970	198	83,3	42,1%				
1975		115					
1980	435	254	58,4%	54,2		12,5%	
1985	643	462	71,9%	68,7		10,7%	
1990	815	641	78,7%	109		13,4%	
1991		643					
1992		641					
1993		618					
1994		607					
1995		595					
1996		601			128		21,3%
1997		571			121		21,2%
1998		591			125		21,2%
1999		592			131		22,1%
2000							
2001							

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(в фактически действовавших ценах)

	1994		1995		1996		1997		1998		1999	
	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу
Экспорт - всего	66,9	100	79,9	100	86,9	100	86,7	100	73,0	100	73,7	100
в том числе:												
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	2,8	4,2	2,7	3,3	3,2	3,7	2,4	2,8	2,3	3,0	2,0	2,7
минеральные продукты	30,1	45,1	33,5	42,0	41,1	47,3	41,4	47,8	30,0	42,5	32,7	44,4
продукция химической промышленности, каучук	5,5	8,2	7,9	9,9	7,4	8,5	7,2	8,3	6,2	8,4	6,2	8,5
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,4	0,6	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,5	0,2	0,3
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,6	3,9	4,4	5,6	3,6	4,2	3,6	4,3	3,5	4,8	3,7	5,0
текстиль, текстильные изделия и обувь	1,3	2,0	1,2	1,5	0,9	1,1	0,9	1,1	0,9	1,2	0,8	1,1
металлы, драгоценные камни и изделия из них	17,7	26,4	20,9	26,1	20,4	23,5	20,7	24,0	19,8	27,2	18,8	25,5
машины, оборудование и транспортные средства	5,6	8,3	7,9	9,9	8,5	9,8	9,1	10,3	8,4	11,5	7,9	10,7
прочее	0,9	1,3	1,1	1,3	1,4	1,5	1,0	1,0	0,6	0,9	1,4	1,8

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРАНЫ ВНЕ СНГ
(в фактически действовавших ценах)

	1992		1993		1994		1995		1996		1997		1998		1999	
	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу	Млрд. долл. США	В процентах к итогу
Экспорт - всего	42,4	100	44,3	100	53,0	100	65,6	100	71,0	100	70,0	100	58,8	100	62,8	100
в том числе:																
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	1,6	3,9	1,6	3,8	2,3	4,3	2,3	3,5	2,7	3,8	1,8	2,6	1,7	2,8	1,5	2,4
минеральные продукты	22,0	52,1	20,7	46,7	22,8	43,1	26,4	40,2	32,7	46,1	32,5	46,5	23,4	39,9	26,9	42,8
продукция химической промышленности, каучук	2,6	6,1	2,6	6,0	4,1	7,8	6,3	9,6	5,9	8,3	5,7	8,1	4,9	8,3	5,1	8,2
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,2	0,1	0,2	0,4	0,7	0,3	0,4	0,3	0,5	0,4	0,5	0,4	0,6	0,2	0,3
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,6	3,7	1,9	4,2	2,2	4,1	3,8	5,9	3,1	4,3	3,2	4,6	3,1	5,4	3,4	5,4
текстиль, текстильные изделия и обувь	0,3	0,6	0,2	0,4	0,9	1,7	0,8	1,3	0,6	0,9	0,6	0,9	0,6	1,0	0,6	1,0
металлы, драгоценные камни и изделия из них	7,0	16,4	10,3	23,2	16,5	31,1	19,6	29,8	19,0	26,7	19,4	27,9	18,5	31,5	17,9	28,5
машины, оборудование и транспортные средства	3,8	8,9	2,9	6,5	3,2	6,0	5,3	8,1	5,6	7,9	5,7	8,1	5,8	9,8	6,0	9,5
прочее	3,4	8,1	4,0	9,0	0,6	1,2	0,8	1,2	1,1	1,5	0,7	0,8	0,4	0,7	1,2	1,9